

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.84>

Садокова Анастасия Рюриковна

ДРЕВНИЕ ПРЕДАНИЯ ИЗ АНТОЛОГИИ "МАНЪЁСЮ" И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЯПОНСКАЯ ПРОЗА

Статья обращается к истории заимствования раннесредневековой японской литературой сюжетов древних народных преданий, записанных в VIII в. и помещенных в одном из свитков поэтической антологии "Манъёсю". На конкретном примере показано, какие изменения претерпел исходный текст, выявлены основные трансформации на сюжетном, стилистическом и художественном уровнях. Показано, как на основе простой фольклорной фабулы в рамках памятника раннесредневековой японской литературы "Ямато-моногатари" было создано достаточно сложное литературное произведение, состоящее из нескольких частей. Обращается внимание на то, что такой способ заимствования и трансформации фольклорных текстов может рассматриваться в контексте процесса становления национальной японской прозы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/84.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 403-407. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.521

Дата поступления рукописи: 17.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.84>

Статья обращается к истории заимствования раннесредневековой японской литературой сюжетов древних народных преданий, записанных в VIII в. и помещенных в одном из свитков поэтической антологии «Манъёсю». На конкретном примере показано, какие изменения претерпел исходный текст, выявлены основные трансформации на сюжетном, стилистическом и художественном уровнях. Показано, как на основе простой фольклорной фабулы в рамках памятника раннесредневековой японской литературы «Ямато-моногатари» было создано достаточно сложное литературное произведение, состоящее из нескольких частей. Обращается внимание на то, что такой способ заимствования и трансформации фольклорных текстов может рассматриваться в контексте процесса становления национальной японской прозы.

Ключевые слова и фразы: древние народные предания; процесс заимствования; литературная обработка; фольклорные мотивы; раннесредневековая японская литература; поэтическая антология «Манъёсю»; жанр ута-моногатари.

Садокова Анастасия Рюриковна, д. филол. н., профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Московский городской педагогический университет
sadokova@list.ru

ДРЕВНИЕ ПРЕДАНИЯ ИЗ АНТОЛОГИИ «МАНЪЁСЮ» И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЯПОНСКАЯ ПРОЗА

К числу наиболее древних литературных памятников Японии относится известная антология «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), создание которой датируется серединой VIII в. Это самая крупная японская поэтическая антология, включающая в себя более 4500 песен [6]. Образцы древнего стихотворного творчества было принято называть словом «песня» – *ута*, и ко времени создания «Манъёсю» они уже были известны по другим письменным памятникам – мифологическим сводам «Кодзники» и «Нихонги», а также были представлены в географо-этнографических сводах разных провинций – «Фудоки», также относящихся к VIII в.

Антология «Манъёсю» по праву считается первой японской антологией, хотя и до нее было создано несколько собраний. Однако те собрания представляли собой антологии китайских стихов – *канси*. При этом понятно, что параллельно с чрезвычайно распространенными в те времена китайскими стихами в Японии развивалась национальная поэтическая традиция, которая и нашла свое отражение в создании антологии «Манъёсю».

Несмотря на то, что антология является поэтическим памятником древности, она до сих пор считается чрезвычайно важным источником для понимания разных явлений японской литературы и культуры, в том числе и современных. Дело в том, что «Манъёсю», собрав лучшие образцы древнего поэтического творчества, основанного на фольклорной традиции, и собственно народные песни, которые подверглись несомненной литературной обработке, до сих пор помогает объяснить происхождение и первоначальный облик многих обрядов и праздников, семейных традиций, системы любования цветами и даже сезонных правил сервировки стола. **Актуальность** изучения этого памятника очевидна, тем более что в последние годы в Японии наблюдается новый бум интереса к поэтической традиции древности, попытки прочесть заново и переосмыслить многие песни «Манъёсю» [8-10]. При этом далеко не все явления до сих пор понятны, и потому в изучении этого памятника остается огромное количество белых пятен. Это относится и к циклу народных преданий, помещенных в антологию, которые никогда не были предметом специального исследования, и в этом состоит научная **новизна** данной работы.

Предания, анализируемые в статье, сохранились только в «Манъёсю» и не имеют известных вариантов в японском фольклоре. Однако, как представляется, их размещение в антологии в том виде, в каком они представлены, не может рассматриваться как случайное явление, и потому в работе ставится **цель** определить значение народных преданий «Манъёсю» для развития японской литературы раннего Средневековья. Отсюда и **задачи**, вставшие в ходе работы: рассмотреть сюжеты основных народных преданий, помещенных в антологию «Манъёсю», выявить фольклорные составляющие этих преданий и определить степень литературных привнесений, определить роль этих преданий в формировании одного из первых поэтико-повествовательных жанров Японии – *ута-моногатари*.

Антология состояла из 20 книг (свитков). Самая ранняя песня датировалась концом IV – началом V в., а самая поздняя – серединой VIII в., то есть временем создания самой антологии. В собрании были широко представлены песни всех четырех времен года, лирическая поэзия, песни скорби, песни пограничных стражей, песни разных провинций и другие. В целом песенный состав антологии был чрезвычайно широк и многообразен, хотя основу всей древней поэзии составляли темы любви и природы. Именно через образы природы поэты постепенно передавали свои чувства. Цветы сливы, гвоздики, камелии часто воспринимались как метафора образа возлюбленной. Человеческая жизнь во всех ее эмоциональных проявлениях неотрывна от природы – утверждали поэты «Манъёсю». По какому бы поводу ни слагались песни, будь то охота, пир или уход в пограничные стражи, – все они были пронизаны образами и символами из мира природы. Характеризуя поэзию «Манъёсю»,

Т. И. Бреславец писала, что она «конкретна и непосредственна, поскольку стихи слагаются по определенному поводу. Она отличается полнотой переживаний, а также искренностью» [1, с. 83]. Тематический круг песен был очень широк: это песни-переключки, песни-плачи, песни странствий; песни о долгожданной встрече и неизбежной разлуке, о томительном ожидании, о грусти, которую вызывает вид старой столицы.

Каждая из двадцати книг имела свою тематическую специфику. В свете нашей проблематики особый интерес представляет книга 16-я, а точнее, та ее часть, в которой были собраны песни, связанные с преданиями (*ёси ару ута*).

Судя по всему, речь шла о народных повествовательных текстах, бытовавших в основном в «стране Ямато», то есть в центральной части Японии того времени, что следовало из географических названий, которые в них упоминались. Однако несколько песен упоминали географические названия северо-восточных провинций, очень далеких от столичной части древней Японии. Это свидетельствует о том, что предания, равно как и многие песни, а еще раньше – мифологические эпизоды, тщательно подбирались, подчиняясь определенным задачам составителя.

Если исходить из такого понимания состава предложенных преданий, то возникает ощущение, что задачей составителя было подобрать исключительно любовные истории, отличающиеся по сюжету. Такие предания вполне вписывались в общий настрой всей антологии. Ведь, как известно, большинство песен «Манъёсю» – это любовная лирика о расставании, своего рода любовная поэзия грусти и печали. Предания частично отвечали этим требованиям, но были и более нейтральные сюжеты. Например, рассказывалось о том, как муж, посмотрев на свою жену на празднике, увидел вдруг, что она истинная красавица, а он этого давно не замечал; о том, как умная деревенская девушка смогла своей красотой погасить гнев знатного господина. Но при этом встречался и типичный сюжет: рассказывалось о том, как тосковала верная жена в разлуке со своим мужем. Повествовательная часть большинства преданий была лаконична и одноэпизодна, а оформление заметно отличалось от оформления большей части других песен в антологии.

Напомним, что песни «Манъёсю» были сложены в одном из нескольких известных стихотворных жанров того времени, но в основном в жанре пятистишия-*танка*, и за редким исключением не имели никаких пояснений прозаического характера. Если же песне предшествовало какое-то пояснение, то оно было весьма лаконично: «поют о дожде» или «песня, сложенная, когда Охара Сакураи гулял возле реки Сахо».

Песни, связанные с преданиями, выделялись на фоне всех остальных тем, что, хотя это были действительно песни, они сопровождалась достаточно подробными пояснениями о поводе сложения и рассказывали, хоть и кратко, сохранившуюся с давних пор грустную или поучительную историю. В связи с этим зачастую невозможно было сказать наверняка, что главнее в этом эпизоде: песня или прозаический текст.

Для японской литературы это не праздный вопрос. Несколько позже, уже в первой половине X в., в японской раннесредневековой литературе сформировался и получил огромную популярность жанр *ута-моногатари* (букв. «повествования о песнях»). Середина X в. даже иногда называют эпохой *ута-моногатари*, потому что с 920 г. в течение последующих 50 лет было создано большое количество произведений этого жанра. К самым известным относятся: «Исэ-моногатари» («Повесть об Исэ»), «Ямато-моногатари» («Повесть о Ямато») и «Хэйтё-моногатари» («Повесть о Хэйтё»). Два первых из названных произведений переведены на русский язык [4; 7].

Однако применительно к этому жанру слово «повесть» несколько условно. Произведения *ута-моногатари* не представляли собой цельного повествования, а были сложены из ряда отрывков, достаточно самостоятельных, законченных и в большинстве случаев не связанных друг с другом. Здесь следует отметить, что вопрос о разрозненности отрывков или их функционировании в рамках единого сюжета остается актуальным и спорным. Академик Н. И. Конрад, например, в свое время обращал внимание на то, что в произведении «Исэ-моногатари», несмотря на видимую самостоятельность миниатюр, действует единый герой [5, с. 206]. Не углубляясь в решение данной проблемы, отметим лишь, что любой отрывок-миниатюра назывался *дан* и состоял из прозаического и поэтического фрагментов. При этом прозаическая часть была в большинстве случаев небольшой и служила для того, чтобы объяснить, кем, зачем и по какому поводу было сложено пятистишие-*танка*. В каждом *дане* обязательно присутствовало одно, а иногда и два-три стихотворения. В «Исэ-моногатари» («Повесть об Исэ») – сто двадцать пять таких миниатюр-*данов*, в «Ямато-моногатари» («Повесть о Ямато») – сто семьдесят три, а в «Хэйтё-моногатари» («Повесть о Хэйтё») – всего тридцать девять.

По мере развития жанра соотношение прозы и поэзии в произведениях менялось. В первом по времени создания памятнике – «Исэ-моногатари» («Повесть об Исэ») и в первой части второго произведения – «Ямато-моногатари» («Повесть о Ямато») прозаические отрывки выполняли исключительно «объяснительную» функцию и были малы по объему. Очевидно было, что поэзия играет основную роль, а проза находится как бы в зависимом положении. Но уже во второй части «Ямато» повествовательная часть резко возросла, и проза начала играть самостоятельную роль. По сути, появилась небольшая новелла, в которой стихотворение-*танка* было важной, но не основной составляющей. Значительное увеличение прозаического текста наблюдалось и в третьем памятнике – «Хэйтё-моногатари» («Повесть о Хэйтё»), в котором количество *данов* было самым небольшим, хотя объем самого произведения не уступал «Ямато».

Интересно при этом, что хотя *ута-моногатари* как жанр сформировался гораздо позднее появления антологии «Манъёсю», классическое оформление миниатюры-*дана* уже четко просматривалось в строении песен, связанных с преданиями, из этой антологии. Можно даже сказать, что они построены по тому же принципу, только лет на сто пятьдесят раньше. А. Е. Глукина, переводчик и исследователь антологии

«Манъёсю», так и писала в свое время об этих песнях: «Они положили также начало особому песенно-повествовательному жанру японской литературы, получившему впоследствии, в своем законченном виде, специальное наименование – *ута-моногатари*» [2, с. 185].

И потому нет ничего удивительного в том, именно в жанре *ута-моногатари* нашли свое переосмысление некоторые сюжеты древних преданий, известных еще по антологии «Манъёсю». Речь идет, прежде всего, о двух преданиях, представленных в песнях № 3786-3787 и № 3788-3790 [6, т. 3, с. 65-66]. Песням предшествуют достаточно большие прозаические отрывки, никак не озаглавленные. Но в своей книге «Заметки о японской литературе и театре» А. Е. Глускина представила их как «Предание о девушке Сакураноко и двух юношах» и «Предание о девушке Кадзураноко и трех отважных юношах» соответственно [2, с. 186-187].

Сюжеты этих преданий в определенной степени схожи. В первом из них речь идет о девушке, в которую влюбились два юноши. Для решения спора они вызвали друг друга на смертный бой. Чтобы прекратить вражду, девушка решила умереть сама. В предании о девушке по имени Сакураноко, что буквально означает «Дитя вишни» или «Вишенка», она отправилась в лес и там повесилась. Сразу следует отметить, что для японской культуры это не очень характерный способ расставания с жизнью. После смерти девушки юноши, обливаясь кровавыми слезами, сложили песни, в которых всячески обыгрывалось имя несчастной девушки. Пелось о том, что лепестки вишни облетели, что теперь не придется украшать себя цветами вишни, что теперь каждый раз цветение вишни будет напоминать о возлюбленной.

Практически по тому же принципу построено и другое предание. Теперь три юноши влюблены в девушку по имени Кадзураноко, что означает «Дитя плюща». Имя девушки может считаться характерным для японской поэзии, поскольку плющ, который вьется около дерева, льнет к нему, с древности считался поэтической метафорой возлюбленной. В предании юноши стараются добиться руки девушки, она же не может никому отдать предпочтение и боится обидеть остальных. В результате она также решает умереть и бросается в пруд, что является почти классическим вариантом самоубийства в японской литературе не только древности, но и Средневековья. Юноши в отчаянии слагают по стихотворению. При этом один упрекает пруд, что тот не высох, когда юная девушка решила броситься в него. Другой корит себя за то, что не пришел к пруду раньше, но и упрекает девушку за то, что та не обмолвилась ни словом о своем намерении. Третий же в поэтической форме выражает желание погибнуть вместе со своей любимой.

Как и в ранних произведениях жанра *ута-моногатари*, поэтическая составляющая здесь более выразительна и использует красивые эпитеты. Прозаический текст скуп на художественные средства и сводится к бесстрастному описанию происходящего. Но интересно проследить, какие изменения произошли с сюжетом древнего предания (а можно, вероятно, рассматривать второе предание как вариант первого) в произведении жанра *ута-моногатари*, а именно в «Повести о Ямато».

Но прежде следует обратить внимание на то, что «Повесть о Ямато» представляет собой достаточно неоднородный памятник. Существует так называемая проблема 146-го *дана*. Как отмечал В. Н. Горегляд, «стилистически “Повесть” делится на две непохожие одна на другую части, граница между ними проходит после 146 *дана*. В первой части много кратких миниатюр, состоящих из стихотворения и прозаического к нему вступления. Во второй части много более развернутых *данов*, небольших новелл, часть которых впоследствии дала материал для произведений литературы...» [3, с. 124].

Речь идет о том, что, начиная именно с этой миниатюры, прозаическая часть во всех других миниатюрах начинает заметно увеличиваться, и проза постепенно занимает лидирующее положение. Миниатюра, в которой явно угадывается древнее предание из антологии «Манъёсю», помещена как раз во второй части произведения (№ 147) [7, с. 106-110].

Однако при всей узнаваемости предания VIII в. видна его новизна. Совершенно очевидно, что к середине X в. сюжет претерпел значительные изменения, осложнился многочисленными деталями и подробностями. Сразу бросается в глаза то, что герои миниатюры из «Ямато-моногатари» перестали быть «некими». В древнем предании повествование начиналось словами «В старину жила девушка... И жили в ту пору два отважных юноши» или «Люди рассказывали: в старину жили трое отважных юношей. Одинаково добивались они взять себе в жены одну и ту же девушку». В раннесредневековом памятнике «Ямато-моногатари» на первый план выходит установка на достоверность, стремление доказать, что все происходящее есть неоспоримые и легко проверяемые сведения. Этот прием роднит миниатюры литературного памятника с фольклорной нескладочной прозой, к которой относятся в том числе и предания, для которых установка на достоверность является обязательным условием бытования жанра. Так, представляющая интерес в свете нашей проблематики миниатюра дает достаточно точную атрибуцию героев и начинается с называния их родовых имен, реально существовавших: «В давние времена была девушка, которая жила в провинции Цу. Навещали ее двое. Один жил в той же провинции Цу, род его был – Мубара. Другой же был из провинции Идзуми. Род его именовался Тину» [Там же, с. 106].

Далее в тексте появляется отец девушки, которого не было в древнем предании. Он устраивает юношам состязание, однако оно ни к чему не приводит, потому что оба выполняют поставленную задачу, а именно подстреливают птицу, причем одну и ту же. Далее, как и в древнем предании о трех юношах, девушка кидается в реку. Но юноши пытаются ее спасти и сами тоже гибнут. Этот эпизод, которым могла бы и завершиться миниатюра, имеет некоторое «дополнение» в виде решения проблемы захоронения юношей. Проблема в том, что один из них происходил из мест, где разворачивались описываемые события, другой же был из дальних краев. Это означало, что его нельзя было хоронить около девушки, поскольку чужак мог осквернить землю.

Тогда отец этого юноши привез из земли Идзуми целый корабль земли и похоронил сына хоть и на чужбине, но в родной земле. «И вот, говорят, могила девушки стоит в середине, а слева и справа – могилы юношей», – резюмирует этот эпизод «Ямато-моногатари» [Там же]. Однако это не означает конца самой миниатюры.

В отличие от древнего предания, основанного и структурно организованного как народное фольклорное повествование, «Ямато-моногатари» представляло собой литературный памятник, который хоть еще полностью и не освободился от народных корней японской словесности, но строился уже по законам литературного произведения. Отсюда и ярко выраженная многоэпизодность повествования, усложненность сюжета.

Совершенно очевидно, что миниатюра содержит как минимум три достаточно самостоятельных эпизода, первый из которых является основным в смысле разъяснения происходивших событий. Два последующих эпизода занимают как бы второстепенное положение, но на самом деле работают на развитие первого эпизода.

Так, повествование плавно переносит своего читателя во времена императрицы Ацуко (885-954), супруги императора Уда, про которую в «Ямато-моногатари» говорят как о «ныне уже покойной». Воспоминание о старинном предании, но уже в изложенной выше новой интерпретации вновь возникло в миниатюре неожиданным образом: «В старину это было, изобразили все это на картине и поднесли императрице, ныне уже покойной, и все придворные на эту тему слагали стихи будто бы от их имени» [Там же, с. 107]. Далее следует десять пятистиший-*танка*, написанных от имени девушки и от имени каждого из юношей. При этом каждое из этих стихотворений построено на игре омонимов, отчего некоторые из них имеют еще и некий подтекст. Однако он никак не влияет на сюжетную линию повествования, а больше демонстрирует возможности фонетических игр, принятых в японской поэзии того времени.

Далее миниатюра вновь возвращает читателя к месту погребения несчастных. Повествуется о том, что эти три могилы все равно называют «могила девы», хотя родители одного из юношей всячески украсили могилу своего сына: «И вот вокруг могилы этого юноши построили ограду из благородного бамбука, положили с ним вместе охотничье платье – каригину, хакама, шапку эбоси, пояс, а также лук, колчан и меч и похоронили» [Там же, с. 110].

И уже после этого рассказывается история, сюжет которой не часто, но встречается в японском фольклоре, откуда проник и в литературу: некий путник случайно оказывается ночью около холма, где находится могила, и ему слышатся голоса давно умерших людей, а иногда перед его взором разыгрываются настоящие сражения. Нечто подобное описано и в «Ямато-моногатари». Перед путником, который заночевал недалеко от «могилы девы», вдруг возник окровавленный юноша, который попросил меч, чтобы убить своего врага. Послышались звуки битвы, а потом юноша появился вновь и сказал, что убил врага, которого ненавидел многие годы. Путник стал расспрашивать юношу обо всем, но едва наступил рассвет, тот пропал. Пораженный путник обошел холм и увидел, что из самого холма течет кровь, а лежащий рядом меч окровавлен. Совершенно очевидно, что этот завершающий эпизод вновь возвращает читателя к фольклорному повествованию и логично завершает этот *дан* словами: «Очень странная эта история, но записана она так, как ее рассказывают» [Там же].

Древнее предание о девушке и влюбленных в нее двух или трех юношах – прекрасный пример того, как японская раннесредневековая литература продуктивно использовала фольклорные сюжеты, создавая на их основе совершенно самостоятельные произведения. А именно самостоятельными во многом и являются миниатюры, например, памятника «Ямато-моногатари», которые сами стали в дальнейшем источником для сюжета более поздних литературных произведений и пьес японского классического театра. Все это свидетельствует о том, что древние предания, зафиксированные в поэтической антологии «Манъёсю», представляют собой ценный материал для изучения процесса становления японской национальной литературы, формирования классической литературы, а также демонстрируют образцы древнего повествовательного фольклора, сюжеты которых в большинстве своем сохранились только в этой антологии.

Список источников

1. **Бреславец Т. И.** Японская литература VIII-X вв.: учебное пособие. Изд-е 2-е. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2014. 336 с.
2. **Глускина А. Е.** Заметки о японской литературе и театре (древность и средневековье). М.: Наука, 1979. 296 с.
3. **Горегляд В. Н.** Японская литература VIII-XVI вв. Начало и развитие традиций. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. 416 с.
4. **Исэ-моногатари. Японская лирическая повесть начала X века** / пер. с яп., предисл. и коммент. Н. И. Конрада. М.: Кристалл, 2000. 320 с.
5. **Конрад Н. И.** Японская литература. От Кодзики до Токутоми. М.: Наука, 1974. 568 с.
6. **Манъёсю (Собрание мириад листов):** в 3-х т. / пер. с яп., предисл., коммент. А. Е. Глускиной. М.: Наука, 1971-1972. Т. 1. 680 с.; Т. 2. 715 с.; Т. 3. 456 с.
7. **Ямато-моногатари** / пер. с яп., предисл. и коммент. Л. М. Ермаковой. М.: Наука, 1982. 232 с.
8. **神野志 隆光.** 万葉集入門 (別冊太陽 日本のこころ). 出版社: 平凡社. 東京, 2011 (Коноси Такамицу. Знакомство с «Манъёсю» (Специальный выпуск серии «Солнце»). Душа Японии). Токио: Хэйбонся, 2011. 176 с.).
9. **小川 靖彦.** 万葉集と日本人. 出版社: 角川出版. 東京, 2014 (Огава Ясухико. «Манъёсю» и японцы. Токио: Кадокава, 2014. 255 с.).
10. **上野 誠.** 万葉集から古代を読みとく. 出版社: 筑摩書房. 東京, 2017 (Уэно Макото. Понимание древности благодаря «Манъёсю»). Токио: Тикумасёбо, 2017. 229 с.).

**ANCIENT LEGENDS FROM THE ANTHOLOGY “MAN'YŌSHŪ”
AND THE EARLY-MEDIEVAL JAPANESE PROSE**

Sadokova Anastasiya Ryurikovna, Doctor in Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow City University
sadokova@list.ru

The article deals with the history of borrowing by the early-medieval Japanese literature the plots of ancient legends recorded in the VIII century and included in one of the scrolls of the poetic anthology “Man'yōshū”. By a specific example, the author shows what changes the source text underwent and reveals the main transformations at the plot, stylistic and artistic levels. It is shown how a rather complex literary work consisting of several parts was created on the basis of a simple folklore storyline within the monument of the early-medieval Japanese literature “Yamato Monogatari”. It is noted that this way of borrowing and transforming folk texts can be considered in the context of the process of the national Japanese prose formation.

Key words and phrases: ancient legends; borrowing process; literary adaptation; folk motives; early-medieval Japanese literature; poetic anthology “Man'yōshū”; ‘uta monogatari’ genre.

УДК 821.112.2

Дата поступления рукописи: 18.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.85>

В статье исследуется литературный контекст Восточной Германии 1950-1970-х гг. с целью выявления степени восприятия, переосмысления и переработки художественного опыта известного писателя И. Бобровского. Интерес к творчеству автора неохрестического романа, его индивидуальному стилю обусловлен синтезом традиционных методов и новаторских элементов, объединенных художественной концепцией истории в стиле Бобровского. Творческое наследие писателя актуально, востребовано и узнаваемо преломляется и живет в текстах романов Э. Штриттматтера, Ф. Фюмана, Ю. Беккера.

Ключевые слова и фразы: художественный опыт; индивидуальный стиль; историческая реконструкция; рецепция; историческая проза; И. Бобровский.

Фролов Георгий Аркадьевич, д. филол. н., профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
mahinin@rambler.ru

Гильфанова Гульнара Тавкильевна, к. филол. н., доцент
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
gulnara_tav@mail.ru

**РЕЦЕПЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОПЫТА И. БОБРОВСКОГО
В ПОСЛЕВОЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1950-1970-Е ГГ.)**

Современный мир противоречив и требует глубокого анализа событий, имевших место в переломные годы конца прошлого столетия (1990-е годы), особенно на стыке веков (XX-XXI вв.). Развитие глобального научно-технического прогресса, с одной стороны, и возникновение воинствующего национализма в ряде европейских государств – с другой, требуют обращения к историческим истокам, способствующим геополитическим изменениям на постсоветском пространстве и духовным преломлениям поколений людей, и нового художественного осмысления. Послевоенные немецкие писатели пытались найти ответы на вопросы, которые ставила им сама жизнь, и обратились к творческому наследию Иоганнеса Бобровского (1917-1965). Поэтому **цель** этой статьи – выявить степень восприятия творчества Бобровского писателями и новеллистами Восточной Германии в период 1960-1970-х гг. и переработки ими (реконструкции) художественного опыта писателя. **Актуальность** заключается в необходимости проанализировать художественное осмысление исторического процесса в литературе Германии середины прошлого столетия, определить преемственность художественного метода изучаемого писателя последующим поколением литераторов. Его художественные методы были рецептированы художниками слова не только стран Западной и Восточной Европы, но и стран Латинской Америки и Ближнего Востока [10]. Но в отечественном литературоведении нами не были отмечены работы, исследующие особенности художественного метода и переосмысление художественной концепции истории Бобровского в восточно-немецкой литературе 1960-1970-х гг. Это и определяет научную **новизну** проведенного исследования, **задачами** которого являются обзор и анализ творчества Э. Штриттматтера, Ф. Фюмана, Ю. Беккера; поиск точек пересечения с авторским текстом и звучания индивидуального стиля И. Бобровского в анализируемых романах известных немецкоязычных прозаиков; определение степени рецепции немецкими писателями эстетического приема Бобровского в рассматриваемых текстах и реконструкции ими его художественного опыта в репрезентации немецкой истории XX века.